

LIZA DALE

SCREENPLAY

1. ИРПОМАНКА

16+

Лиза Даль

Screenplay 1. Игроманка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33474384

SelfPub; 2019

ISBN 978-5-5321-0361-0

Аннотация

Такого ещё не делал никто, и она станет первой. Она знает, что жизнь – игра, но как и все не знает её правил, поэтому придумала свои собственные, гласящие, что делать можно всё, что хочется. Внешность, мозги и особенный талант находить подход к каждому – её козыри, человеческая глупость – её союзник, информация – её крылья. Она успешная мошенница и добилась многого, но, кажется, только для того, чтобы испытать чудовищное разочарование. Прах, пыль, пустота и пиксели. Теперь она охотится за красотой и однажды найдёт нечто настолько прекрасное, что отчаяние её мутирует в азартное безумство, и она решится на это. На похищение мировой звезды.

Содержание

Обращение к читателю	4
Глава 1	9
Глава 2	13
Глава 3	28
Глава 4	36
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Обращение к читателю

Я хочу рассказать тебе о том, как пишут книги.

Писатель откапывает своё произведение из уймы возможных вариантов, как археолог откапывает кости динозавра, чтобы собрать из них цельный скелет. Вот череп – он конечно главный, ребро, ещё ребро, большой позвонок в серединку, маленький в кончик хвоста, эта кость вообще не от этого скелета, а эта, кажется, была когда-то в его ноге. Или в лапе... что там у динозавров, знает кто-нибудь?

Иногда писатели понятия не имеют, к чему приведут их искания в придуманных, но несомненно существующих где-то в других реальностях мирах. В этих случаях получают особенно захватывающие произведения, потому что герои сами начинают формировать сюжет. Наперебой говорят разными голосами, совершают странные поступки, спорят, подсказывают и направляют, удивляют и пугают. Одним словом – оживают.

Мне хотелось написать немножко грустную, немножко весёлую, страшную и конечно очень красивую сказку о любви. Достаточно волшебную, чтобы принимать её за сказку, но основанную на строгих научных данных – я ведь всё-таки уже взрослая и в чародеев не верю, как ни стараюсь. Я была уверена в том, что даже в рамках привычного мира, где не существует ни драконов, ни оборотней, ни вампиров

сказка может получиться достаточно волшебной, потому что о природе нашей реальности мне известно многое. То, что я знаю, меня одновременно пугает, восхищает, будоражит и вдохновляет.

Вот как всё начиналось. Однажды мне в голову пришла простенькая идея, и она показалась мне такой захватывающей, что я не могла её не реализовать. Стало интересно, как всё это будет происходить и чем закончится. Идея заключалась в следующем: влюблённая поклонница похищает своего кумира. Кумир её ни кто иной, как мировая звезда, голливудский актёр и режиссёр, а сама она... ну конечно же авантюристка и мошенница, серый кардинал в преступной организации. Для неё самый лучший способ получить желаемое это просто придти и взять, для неё своё это не обеспеченное надёжной охраной чужое. И неважно, что это – крупная строительная компания или живой человек.

До самого последнего момента я не представляла, чем всё закончится, просто наблюдала за своими героями и записывала за ними. Да, я узнала много нового и удивительного, но признаться честно, эмоционально я очень уставала, потому что герои мои совершенно непредсказуемы и то, что они порой вытворяли, заставляло меня вскакивать со своего кресла и метаться по комнате. Мне хотелось крикнуть им: хватит! Где конец? Прекратите делать это со мной! Мне сложно выносить все эти эмоции, сложно облекать ваши действия в

буквы! Но они неумолимо шли вперёд, на ходу развешивая ружья по стенам. Оставалось только брести по их следу

или в их шкуре

по тропе, проторенной ими в толще мироздания, и гадать, куда же мы в итоге придём. И вот история была почти закончена, в конце тоннеля забрезжил свет, я подходила всё ближе и ближе

и ближе и ближе

и всё вроде заканчивается хорошо

Я не ожидала этого! Более того, у меня никогда не хватило бы на это фантазии! Я планировала совсем другое, но кто я такая чтобы что-то планировать. Когда я подошла к финалу вплотную, он дал оглушающий залп из всех развешанных орудий, а потом просто набросился на меня и сделал что-то, что разнесло мои мозги в клочья. Странно, что с развороченными извилинами я написала свою месячную норму за сутки, но я сделала это и отложила рукопись в сторону, не зная, как теперь мне к ней относиться. Я сама-то себе верю? И вообще – себе ли? Я перечитала написанное и увидела ответ. Всё уже существует, не нуждаясь в твоей вере и в твоём одобрении, существовало и будет существовать всегда. Ты не можешь придумать что-то новое, ибо всё уже создано. Выбор за тобой – во что ты хочешь верить?

Во что я хочу?..

Обстоятельства, породившие в моей голове этот финал, были настолько странными, даже мистическими, что я чув-

ствовала такое же смятение, как если бы подошла однажды к зеркалу и увидела в нём совершенно другого человека. Да, сказочка, в которую я попала и в которую приглашаю тебя, на деле вышла несколько красивее и несколько страшнее нежели то, чем она казалась, заманивая издалека. И кстати, не забывай о том, что это сказка. Иногда (не часто – я знаю, как ты этого не любишь) я буду пытаться усыпить бдительность, заселяя твоё сознание какими-то неоспоримыми научными истинами, но не поддавайся на провокации, всегда помни – это всего лишь сказка. И как во всякой сказке в ней говорится просто о сложном. Иногда слишком просто о слишком сложном, но это единственно доступный способ перешифровать терабайты информации, чтобы создать интуитивно понятный интерфейс. Так, делая простые и лёгкие шажки, я и забрела в конечную точку сквозь дебри существующей реальности...

И поняла, что не смогу написать больше ни одного предложения, не смогу поставить даже запятой. Ибо

меня трясёт

чьё это, чёрт бы его побрал, послание и кому?

я сказала всё, что хотела

язык можно улучшать до бесконечности, но я не могла больше ворошить эту машину, потому что

динозавр оживёт и укусит

как бы я ни старалась, как бы ни исхитрялась, я всё равно не смогу превратить его в тот язык, на котором мне хо-

телось бы говорить, потому что язык, на котором я думаю, не совсем человеческий. Можно бесконечно долго заковы-вать текст в гранит вечности, чтобы он сохранился на века. При должной сноровке его можно превратить в некое подобие “Цитадели”, но я не хотела этого. Я хотела оставить его вот таким – живым, несовершенным, но стремящимся к совершенству, с большими и маленькими ошибками. К тому же, для меня эта история итак прекрасна, а тебя, может быть, вообще нет, хе-хе. Ладно, ты есть. Но кто ты? Подумаешь об этом после, подумаешь обязательно, я обещаю тебе.

Ну что, детишки, готовы? Тогда облачайтесь в эту неизвестно кем, неизвестно где и самое главное – неизвестно зачем оставленную шкуру. Нет-нет, не спешите, проверьте, чтоб села хорошо, нигде не жала и не тянула, ведь это будет долгий путь. Всё? Поехали.

Однажды в тёмной тёмной комнате...

Глава 1

Каким человеком нужно быть, как нужно прожить жизнь, чтобы тебя провожали миллионы?

Чтобы телевидение, радио и Интернет взорвались однажды утром чудовищной новостью, заставившей плакать весь мир. Чтобы перед воротами твоего дома лежали горы траурных букетов, а люди всё шли и шли и несли всё новые цветы. Чтобы кружащий над этим домом вертолёт запечатлевал затор из скорбящих на подъездной дорожке, а другой вертолёт – толпу на Аллее славы, горящие свечи и завалы из цветов вокруг золотой звезды.

Возле Стейплс-центра притормаживали чёрные лимузины, высаживали приглашённых на мемориальный концерт политиков и звёзд шоу-бизнеса, многие из которых, невзирая на пасмурный день, были в тёмных очках. Кружащие вертолёты транслировали в прямой эфир подробности прощальной церемонии. С высоты птичьего полёта площадь, наполненная одетыми во всё тёмное скорбящими, казалась чёрным беспокойным морем, прилегающие улицы – вливающимися в него траурными реками. С цветами, с самодельными плакатами, с фотографиями в руках, они, потерявшие своего кумира, шли проститься с ним навсегда. В одних только США церемонию транслировали пятнадцать телеканалов, все крупные кинотеатры и бесчисленное множество

интернет-ресурсов. К американским посольствам по всему миру стекались тысячи поклонников, несли букеты, повязывали на ограждения траурные ленты, понуро стояли в сторонке или, не стесняясь своих слёз, рыдали на виду у всего мира.

Из эпицентров людского горя камеры выхватывали скорбные сменяющиеся диалоги. Папарацци снимали припухшие лица, брали у заикающихся от слёз поклонников интервью. Некоторые журналисты, возможно, те, которым довелось общаться с навсегда ушедшей звездой лично, разделяли чувство утраты и не задавались вопросом о причинах настолько искренней скорби. Те, для кого он был яркой, но всего лишь примелькавшейся картинкой на экране, пытались понять эти причины. С лёгкой тенью недоумения, просачивающейся сквозь траурную маску, они подносили микрофоны к их искривлённым губам.

– Расскажите, кем Рональд Шелтон был лично для вас?

Отёкшие веки дрожали, голоса срывались, но они отвечали:

– Он научил меня мечтать...

– Это так больно понимать, что мы не увидим больше ни одного его фильма, ни одного интервью. Я всегда так ждала... А теперь больше нечего ждать.

– Я принесла с собой плакат, и вот тут его автограф. Видите? Я уже шесть лет его храню, моя самая дорогая вещь. Мой талисман. Была премьера фильма, и он три часа с нами

общался, давал автографы, отвечал на вопросы, пока совсем не замёрз...

– Ну... понимаете, однажды я посмотрел это интервью, не знаю, видели вы, он там ещё со сломанной ногой. Помните? Да, классное интервью. Ну вот, он говорил, что не нужно ничего бояться. Смеялся, что сломанные ноги – это ерунда по сравнению с тем, что даёт свобода от страхов. И тогда я решил...

– Вы помните его глаза? Эти невероятные глаза, я не могу поверить, что они закрылись навсегда, как будто солнце погасло...

– Он изменил мой взгляд на мир. Он ведь всегда говорил: «Выбери цель и иди к ней. Ты здесь для этого...»

– Мой брат очень любил его фильмы. Говорил, что нет чувака круче, делал причёски как у него, говорил как он, отрабатывал перед зеркалом его жесты, чтоб потом клеить девчонок. Когда брат умер, я целый месяц просидела в своей комнате, наедине с его фильмами. Казалось, что брат рядом и тоже смотрит их, и мне было легче. Так и пережила. И вот теперь... простите... теперь мы и его хороним...

– Говорят, что человек жив, пока жива память о нём. Рональд Шелтон не может умереть, он будет жить всегда. В наших душах и наших сердцах.

Дикторы новостных передач по всему миру произносили одно и то же имя снова и снова. Говорили только о нём, будто не существовало ничего другого, но уже в прошедшем вре-

мени.

Сделал. Подарил. Запомнился.

Каким человеком нужно быть, чтобы тебя провожала целая планета? И каким человеком нужно быть, чтобы покуситься на жизнь того, кто принадлежит всем?

Глава 2

Я помню свои похороны.

Апрель 2011

Помню, как стояла рядом, пока скрипучие верёвки опускали мой гроб в вырытую яму. А там воды по колено – дождь с самого утра. Небо по ней плачет, говорили они. Опустился гроб, мутная могильная вода, конечно, сразу проникла сквозь щели, и все думали – лучше бы в сухую, нехорошо так. Может, кто-то вспомнил, как не любила усопшая купаться в холодной воде, поёжился вместо неё. Может, это была и я сама...

Меня хоронили в закрытом гробу. Дешёвый, обитый бордовой тканью с неровными рюшами. Вышитый из люрекса или чего-то подобного золотой крест на крышке. Две табуретки, еловые ветки под ногами, безвкусный веночек с пластиковыми ядовито-розовыми цветами. Моя обрамлённая в чёрную рамку фотография в руках у какой-то старушки. Гнилой, покосившийся забор, голые корявые ветки садовых деревьев, за которыми уже давно никто не ухаживает. Свинцовое, набрякшее от непролившегося дождя небо. Стая грачей, такая шумная, что их хриплое визгливое карканье слышно даже сквозь толстое стекло. Слышны нетерпеливые вздохи соседских мужиков, пришедших на мои похороны, естественно, только поминочек ради. Слышны тихие при-

читания незнакомых мне или давно забытых мной женщин. Слышны весёлые крики не к месту разыгравшихся детей, за которыми бегают, прихрамывая, толстая ворчливая старуха. Почему я всё это слышу, у него ведь бронированный?.. А, он курит, опустил стекло. Долго смотрю на большие ухоженные пальцы, сжимающие сигарету, наконец решаюсь:

– Дай мне тоже.

– А по зубам тебе не настучать? – выпускает длинную струю дыма у водителя над головой. Тот обмахивается рукой:

– Антон Львович, ведь окно открыл...

– Выйди, подыши.

– Да ладно уж.

Антон раздражённо морщится:

– Выйди, сказал.

пожалуйста, останься, не оставляй меня с ним наедине

Водитель суетливо отстёгивает ремень безопасности, сидящий затылок мелькает между передних сидений, открывается бардачок, что-то шуршит. Дверь распахивается, водитель выходит, слышится лёгкий щелчок доводчика. Последняя затяжка, как обычно, самая длинная, окурочок летит в окно, стекло поднимается. Антон поворачивается ко мне.

Я давно не видела этого выражения на его лице, поэтому, видимо, забыла, с кем имею дело.

забыла, как могу его бояться

О нет, он не один из тех угрюмых уголовников с сини-

ми наколками, которых воображение рисует при слове «бандит», нет на нём ни золотых цепей, ни тёмных очков. На первый взгляд он кажется холёным и самоуверенным бизнесменом, который проводит в дорогом спортклубе не менее пяти часов в неделю и любит похохотать над изящной шуткой. Но на второй... На второй, более пристальный, более вдумчивый взгляд он производит впечатление человека, которому ни при каких условиях не захочется перейти дорогу. Человека, который не прощает ошибок и никогда не повторяет дважды. Манера держаться холодно и отстранённо, надменность во взгляде, безграничная уверенность в собственной правоте, независимость во всём, и в первую очередь в своих суждениях. Циничная улыбка, придающая лицу выражение усталости, какая бывает у человека, вынужденного большую часть времени общаться с идиотами. Всё это открывается не сразу, но всё же просматривается сквозь сбивающую с толку, превосходно исполняемую роль дружелюбно настроенного собеседника.

Но роль это всего лишь роль, и ты прекрасно это осознаёшь, осознаёшь так же ясно, как и то, что волоски по всему телу начинают вставать дыбом, а холодный пот выделяется в самых неожиданных местах – в промежности, за коленками, на загривке. И тебе совсем не хочется, чтобы он прекратил играть эту роль, ты готов на всё, лишь бы представление продолжалось. Ты подыгрываешь, стараешься быть хорошим – для него хорошим. Говоришь то, что он хотел бы услышать,

квиваешь, когда он ждёт от тебя этого, нервно смеёшься, приглашённый его специальным выражением лица оценить весёлую шутку. О да, ты становишься превосходным актёром, а иначе и быть не может – ты ведь хочешь пожить ещё немного, не так ли? Ты будешь жить, пока будешь ему нравиться, и вот уже включаются скрытые механизмы, о существовании которых ты и не догадывался. Механизмы, которые подсказывают тебе, какое выражение лица подбирать в ответ на каждое его слово, какие интонации должны звучать в твоём голосе и какие жесты должны исходить от твоего тела. Ты, марионетка в его руках, готов на всё, лишь бы он продолжал играть с тобой, лишь бы не наскучить ему. Ведь в его руках не только те ниточки, что управляют твоим телом, но и те, которыми ты привязан к этому миру. Один неверный шаг, и он развяжет узелок, и тебя унесёт в неизвестность, в небытие, туда, откуда ещё никто не возвращался.

– Мы же с тобой договорились, – коньячные глаза вызывающе спокойны.

Такое спокойствие мне хорошо знакомо. Оно появляется в его взгляде за секунду до того, как он отвернётся к оптическому прицелу снайперской винтовки, за пять секунд до того, как он нажмёт на спусковой крючок.

– Антон, я...

Коньячные глаза прищуриваются:

– Ты?..

– Я не смогу! Ты же знаешь, у меня ничего не получится!

– Мы обсудили это. Ты согласилась. Мы приехали к чёрту на рога для чего? Для того чтобы посмотреть, как ты будешь распускать соплю?

– Я не смогу... не смогу... не заставляй меня...

– Спасибо за сотрудничество. Вышла из машины.

– Нет!

Перегибается через меня, открывает мою дверь, толкает в плечо:

– Катись отсюда.

Я упираюсь руками и ногами, в пол, в потолок, хриплю:

– Не надо, пожалуйста! Я сделаю, я всё сделаю!

Катиться мне некуда. Уже некуда. Нужно успокоиться, я делаю только хуже, я рою себе могилу. Настоящей себе, не той, что лежит в моем гробу.

– Иди.

– Дай мне минуту!

Тяжело дыша, откинулась на спинку сиденья, закрыла дверь. Его не за что винить, он даёт мне шанс, ещё один и последний. Я облажалась. Меня узнали. Разоблачили. Рано или поздно, меня бы всё равно поймали. Антону пришлось инсценировать мою смерть, чтобы полиция от меня отстала и не вышла на остальных. Ему не понаслышке известны до-тошность и методы следователей, и он ещё не доверяет мне, опасается, что на допросах я сдам всех с потрохами. Выходов было два. Или действительно прикончить меня, или сделать так, чтобы весь мир думал, что я умерла. Первый вариант

был предпочтительнее ввиду своей незамысловатости, второй был сложнее, но мне повезло. Сегодня мы хоронили чужой труп, обгоревший в моей машине и обвешанный моими драгоценностями – старый, как мир, беспроектный трюк. Я старалась не задаваться вопросом о том, насколько этот труп был мёртв, когда выбор Антона пал именно на него. Меня же ждали новые документы и ссылка в Беларусь или Казахстан на выбор.

– Пожалуйста, – шептала я вчера в трубку, набравшись смелости. – Я не хочу. Есть хоть один шанс, что ты разрешишь мне остаться работать с вами?

– Мы уже всё решили. Билеты на поезд у меня, собирай свои...

– Антон, пожалуйста. Я больше не подведу, обещаю. Если это случится, ты можешь... можешь меня убить.

Кусая ноготь большого, я слушала тишину

– Если б для меня это было легко, завтра тебя бы хоронили по-настоящему, – сказал он.

– Я знаю, я всё понимаю. Я сама себя прикончу, клянусь, тебе не придётся...

– Я подумаю.

Антон резко положил трубку.

И он подумал. И придумал экзамен настолько чудовищный, что мои нервы, которые я по наивности своей считала прочнее стальных канатов, теперь сдавали и лопались. Я слышала этот треск у себя в голове, ещё немного, и от него

начнётся мигрень. Я накрыла рукой его ладонь, лежащую на чёрной кожаной обивке между нами.

– Прости. Я просто разнервничалась. Ты знаешь, сколько лет я не видела этот дом?

мне нужна небольшая передышка, нужно собраться с силами

– Сколько?

– Девять.

Девять лет назад здесь состоялись другие похороны. Всё то же самое, те же табуретки с нашей кухни, белые с чёрными ножками, те же старухи. Даже еловые ветки казались теми же самыми, будто их так и не удосужились убрать с прошлого раза. Я повернулась к Антону. Его глаза больше не были спокойными, в них появился намёк на человечность.

– Девять лет назад перед этой калиткой стоял другой гроб, – тихо сказала я. И кажется, он был очень похож на этот, тоже бордовый и с рюшами. Только он был открыт, и в нём я видела последнего родного человека.

ну что, бабуля, твой бог впустил тебя в рай?

Антон потянулся за новой сигаретой. Он много курит, иногда по две пачки в день и это не считая сигар. А мне не разрешает, обещает вырвать губы, если узнает.

– Это было давно, – равнодушно бросил он, чиркая зажигалкой.

– Да, но знаешь, как бывает...

Если долго не приезжаешь в какое-то место, с которым

неразрывно был связан в прошлом, хоть десять, хоть двадцать лет, а потом вдруг оказываешься с ним лицом к лицу, все воспоминания набрасываются так, будто специально поджидали тут именно тебя и от времени становились всё гуще, всё концентрированной.

Минуту мы разглядывали толпу возле гроба. Больше половины из них я даже не знала. Были смутно знакомые лица – бывшие одноклассницы и одноклассники, выросшие, превратившиеся в баб и мужиков соседские дети. Они уже давно забыли о моём существовании и вспомнили только теперь, когда по дворам разнеслась радостная весть – похороны, поминки, гуляем. В деревне развлечений не так много, их энтузиазм можно понять. Но деревенских я и не боялась. Меня приводили в ужас машины с московскими номерами – из них выходили люди, составлявшие мой нынешний круг общения. Ещё вчера они работали со мной бок о бок, называли себя моими друзьями, ходили со мной в кафе, болтали со мной по телефону и вот сегодня приехали меня хоронить. Кое-кто плакал. В стороне от общего горя стояла небольшая группа людей. Эти не плакали, они приехали позлорадствовать. Сотрудники обчищенной мной довольно крупной организации, они будут хоронить меня с удовольствием. Я тоже буду себя хоронить, собственно, для этого я здесь. Я буду идти рядом с этими людьми, буду бросать, дождавшись своей очереди, комья земли на крышку гроба, сидеть с ними за одним столом на поминках, произносить речь в память об

усопшей...

– Иди, – подталкивает меня Антон.

Я достаю из сумочки очки и тянусь к дверной ручке, замок легонько щёлкает, все взгляды тут же обращаются в нашу сторону. Угрожающего вида чёрный бронированный внедорожник уже давно привлекает всеобщее внимание, все ждут, кто же из него выйдет. Удастся ли моей новой личности их обмануть? Всех до единого? Я создала эту личность меньше чем за сутки, меньше чем за день, всего за несколько часов, и теперь от неё зависит моя дальнейшая жизнь. И жизнь Антона тоже. Он обожает ходить по краю.

И вчера, когда я, не находя себе места, металась из угла в угол в ожидании его звонка, он в очередной раз доказал это.

– Да, – выдохнула я в трубку, увидев на дисплее его номер.

– Ты поедешь на свои похороны, – заявил Антон.

– Зачем? – опешила я.

– Подумай.

Мне не нужно было думать, я знала ответ. Если я хочу работать с ними, я должна уметь избавляться от своей личности, заменяя её новыми, другими. Если я на это не способна, я им не нужна. Мои собственные похороны, на которых соберётся куча знакомых со мной людей, – идеальная экзаменационная площадка. В первую секунду я чувствовала пустоту, ступор, во вторую – облегчение от того, что мне всё же дали шанс, в третью я поддалась панике, понимая, что шансом не воспользуюсь,

немыслимо, невозможно

в четвертую я медленно открывала рот, собираясь продать «нет» сквозь сдавленное горло, в пятую я услышала из трубки:

– Так я и думал. Денис отвезёт тебя на вокзал завтра в десять.

– Я поеду на похороны, – вырвалось из меня.

Проклятье! Как я могла на это согласиться?! Я что-нибудь придумаю. Выряжусь, например, деревенским подростком, пришедшим поесть салатов на поминках, возьму с собой какого-нибудь мальчишку, дам ему денег чтоб подыграл мне, будто он мой друг, чтобы никто не лез с разговорами к одинокому юнцу. Будем стоять в сторонке, не привлекая внимания. Или...

– Хорошо, – сказал Антон. – Заедем с Вадиком за тобой завтра в полшестого утра.

– Зачем заедем с Вадиком? – прошептала я, чувствуя внезапное онемение всего тела.

– Мы поедем на похороны вместе. Ты и я.

– Антон! Нет!

Если я появлюсь там вместе с ним, внимание всех гостей неизбежно будет приковано к нам. Антона невозможно не заметить, невозможно не смотреть на него. Слишком яркий, слишком большой, вызывающе харизматичный. От него всегда исходят мощные волны уверенности и силы. Его бесполезно гримировать. Замаскировать его можно разве что чех-

лом от танка, предварительно накачав транквилизаторами, чтобы он не шевелился, не смотрел своими пронзительными коньячными глазами и ничего не говорил. Особенно ничего не говорил. Его голос, сильный, звучный, но в то же время бархатный, заставляет всех и всегда оборачиваться на источник этого звука. Его спутницу будут разглядывать не меньше, всем интересно в мельчайших деталях оценить избранницу настолько импозантного мужчины. На этих похоронах главным действующим лицом буду я настоящая, а не та я, что будет лежать в гробу, это на меня будет направлен лазерный луч всеобщего внимания. Все будут пытаться заговорить со мной, выяснить, кем мы приходились усопшей, что нас связывало. Я должна буду отвечать. Своим голосом. Своим знакомым.

– Что скажешь? – спросил Антон.

– Ты не можешь ехать со мной!

– Хочешь работать в одиночку? Тогда у тебя путь только один. На вокзал. Хочешь работать со мной – работай в команде.

– Хорошо, – разозлилась я.

Всегда злюсь, когда мне страшно. Наверное, это какой-то сбой в системах организма, щитовидка или надпочечники путают что-то, выбрасывают в кровь не те гормоны.

– Завтра в половине шестого утра, – прошипела я.

– Этот твой выбор, надеюсь ты это понимаешь?

– Я понимаю.

– Договорились, – промурлыкал он. – И не вздумай вырядиться мужиком, ты же знаешь, на работе мне нужна женщина. Милая хорошенькая женщина.

Он положил трубку, оставив меня на растерзание собственным мыслям. Нужно было куда– то бежать, что-то делать, готовиться к завтрашнему дню, но я только сидела, со злостью впиваясь ногтями себе же в бёдра. И лишь спустя несколько минут до меня дошёл весь окончательный ужас моего положения. Антон собрался на похороны вместе со мной, если я провалюсь, я утяну и его за собой. Всем, конечно, будет очень интересно, кем он приходится инсценировавшей собственную смерть неудачливой мошеннице. Чего он ждёт от меня сейчас?! Что я, наконец, осознаю и откажусь?!

Милая хорошенькая женщина спустилась к Антону следующим утром. Она подходила к нему сзади, пока он курил, стоя у большого чёрного внедорожника. Я шла к Антону, Антон смотрел на меня. И даже когда я подошла вплотную, он меня не узнал. Только спустя целую вечность, на протяжении которой я не мигая смотрела ему в глаза, он выбросил окурок и усмехнулся:

– Милая хорошенькая женщина?

Я цепляю очки на нос, открываю дверь, беру свой букет, неловко пытаюсь дотянуться дорогими замшевыми сапогами до весенней грязи, оборачиваюсь:

– Подай мне руку, сынок...

Экзамен начался.

Я докажу Антону, что могу перевоплощаться так, что будь у меня родная мамаша, то и она бы меня не признала. Хотя с мамашей, в отличие от всех тех, кому я хорошо знакома, проблем бы как раз не возникло – в последний раз она видела меня лет двадцать назад. Помню её быстрый поцелуй в лоб «Не бойся, детка» и стремительный перестук каблуков по лестнице. Я в пижаме у неё подмышкой, боюсь, что вот сейчас она оступится, и мы покатаемся вниз. Помню выстрелы. «Стой, сука! Отдай моего ребёнка!» Помню крики. Помню, как отец таскает её за волосы, а она на коленях умоляет его не стрелять. Отползает, пятится посреди лужи назад, тянет ко мне руки, но отползает. Помню, как прижимал меня к себе отец, запах водки и пота, помню, как изворачивалась в его руках, чтобы посмотреть на маму, а видела зажатый в его руке, направленный на неё чёрный пистолет. Помню, как потом на вопросы «А где твоя мама, Машенька?», загадочно улыбаясь, отвечала: «Папа говорит, она сбежала с жидом». Меня всегда почему-то веселило это слово «жид»...

– ...подай мне руку, сынок.

Антон усмехнулся, открыл свою дверь, обошёл машину и помог мне спуститься на землю.

– Ах, какая грязь, какая грязь, – причитала я глухо.

Вчера я выехала в поле, села на землю и кричала что было силы на протяжении полутора часов. Этими криками я уби-

ла сразу двух зайцев. Выплеснула весь свой ужас, всю свою панику и самое главное – сорвала голос. Я сипела и хрипела, как старуха, что было весьма кстати, потому что таков был мой нынешний образ. Состаренная кожа, обвислые щёки, бесцветные брови и ресницы, тёмные круги под глазами, тонкие губы, очки с толстыми стёклами, седой парик. Большая волосатая родинка на щеке, призванная отвлекать на себя всё внимание. Траурная шляпка с вуалью, чёрное пальто, манто из чернобурки, скрывающее молодую шею, чёрные траурные перчатки, скрывающие молодые руки. Большой букет, за которым я могла бы прятаться. Сутулые плечи, шаркающая походка.

Держа Антона под руку, мелкими шажками я приближалась к своему гробу, чувствовала, что скорбящие и остальные не сводят с нас глаз. Огромный, под два метра, широкоплечий мужчина и повисшая на его руке старушка в старомодной шляпке с букетом в руках. Каменья и цепенья, я подходила всё ближе, но по-прежнему видела только тёмные, почти неотличимые друг от друга фигуры. Я не смогла бы сказать, кто из них кто, но порывы ветра доносили до меня знакомые ароматы их парфюма, знакомые тембры их тихого шёпота. Больше всего меня беспокоило то, что я не видела их глаз и не смогла бы прочесть в них искры узнавания, случись кому-то из собравшихся опознать в старушке несостоявшуюся покойницу. Я должна была их видеть, и я предусмотрела это. Вместе с очками приобрела и линзы с диоп-

триями противоположного значения, чтобы с их помощью компенсировать искажение картинки и изменить цвет своих глаз. Была уверена, что положила их в сумочку. Отсутствие линз я заметила несколько минут назад, что и спровоцировало приступ паники в машине.

Охочие до сплетен деревенские бабы набросились на нас сразу же, стоило нам приблизиться к гробу. Даже не пытаюсь придать своей интонации хоть сколь-нибудь траурное звучание, они наперебой осыпали нас вопросами. Кто такие? Откуда? Кем приходимся? Как давно знакомы?

Как жалко! Такая молодая

Не переживай так, сынок, всё образуется

Дал Господь испытание, даст и силы

Мошенница? Нет, я не верю. Такая милая девочка

Но я всегда знала, сынок, что она не пара тебе

Напомни проверить фамильное серебро, когда вернёмся

Грех, конечно, такое говорить, но я рада, что Господь уберёт нашу семью

Ах, какая грязь, какая грязь

Глава 3

Сначала я хотела его просто украсть, просто похитить его с его долбаной красной дорожки и поселить у себя в подвале, картинно приковав цепями в лучших традициях тех фильмов, в которых он снимался и к которым привык. Ну так, чтобы приглушить последствия шока привычной обстановкой. А потом спускаться к нему раз или два в сутки, приносить хлеб и воду, кормить с руки и заглядывать в глаза, стремясь отыскать там признаки начинающегося стокгольмского синдрома. Жертва влюбляется в похитителя – это не я придумала, и возможно это и сработало бы. Но случайно прочитанный не так давно «Коллекционер» возвращал мне способность мыслить логически и предупреждал, что всё может закончиться не так, как мне бы хотелось. К тому же есть ещё одна проблема —

Антон

Перевернуть лист бумаги ребром к себе – губы, добавить два коктейльных кубика льда – глаза, дополнить картину раздувающимися от ярости бычьими ноздрями. Таким я ожидала бы увидеть его лицо, осмелюсь я подойти к нему со своей идеей. Антон, конечно, давно привык к моей эксцентричности, но ему мои авантюры нравятся только тогда, когда идут на пользу бизнесу. А без Антона, без наших людей, если конкретнее, мне вряд ли удалось бы реализовать свой замысел.

Да. Похитить, украсть – такой была моя первая мимолётная идея, вызванная мучительно острым желанием получить Рональда Шелтона в своё распоряжение прямо здесь и прямо сейчас. Конечно, всерьёз я над ней не раздумывала. Это всё слишком просто и срабатывает только в том случае, если от жертвы похищения ты хочешь добиться одного – денег или каких-то выгодных условий, за которыми стоят опять же деньги. Маньяков и психопатов учитывать не будем — *я ведь не из них... Нет же?*

Но его миллионы меня не интересовали, у меня и на свои-то планы давно закончились. Я хотела получить что-то большее, что-то гораздо более ценное, и когда путём долгих размышлений все прочие способы были отвергнуты мной как абсолютно безнадёжные, остался только этот. Любой здравомыслящий человек скажет, что одним похищением не добиться взаимности, и конечно будет прав. Но я себя к здравомыслящим и не причисляю – скучные они, однако считаю, что действия определяются обстоятельствами и всё, что нужно, всего лишь хорошенько разобраться в этих обстоятельствах. Если есть деньги и главным образом мозги, препятствия сметаются с пути.

У меня много имён, но близкие мне люди вот уже несколько лет называют меня Лизой. Возраст в моих документах тоже различается, но тот паспорт, которым я пользуюсь в обычной мирской жизни, сообщает интересующимся, что мне

двадцать девять. Я не обладаю какой-то особенной роковой внешностью, но довольно часто мне говорят, что я красива. И да, я – мошенница. Авантюристка. Когда журналисты называли меня так впервые, я преисполнилась гордостью и самодовольством. И пусть это была всего лишь небольшая статья в местной газетёнке, чувствовала я себя так, будто мне вручили заслуженную награду. Размахивая газетным листом, как «Оскаром», я отвечивала поклоны воображаемой публике и обещала ей продолжать в том же духе и превзойти саму себя. Какой потрясающе лестный комплимент моим умственным способностям – мошенница! Впоследствии замечток обо мне становилось всё больше, истории о моих проделках пробрались и на телевидение. Незадачливым Большим Боссам сообщали об опасной мошеннице и предупреждали тщательнее следить за своей собственностью. А я, что я? Конечно, я уважаю чужую собственность, просто хочу, чтобы она принадлежала мне, чтобы уважать её ещё больше.

Мне бы хотелось сказать, что я представляю собой нечто вроде современного Робин Гуда, ворую у богатых и раздаю бедным, но нет. Я его более упрощённая версия. Просто ворую у богатых, опция «раздавать бедным» в моём функционале отсутствует, поэтому мне приходится заниматься благотворительностью через посредников. Ведь своими честно украденными деньгами я делюсь не столько с мусорами, сколько с чиновниками, депутатами и прочими, свято веря, что потом они раздают эти деньги нуждающимся или строят

на них что-нибудь полезное. Детские площадки, например, школы или дороги. Если этого не происходит, претензии не ко мне, не я их придумала и не я поставила их у власти, чтобы дать им возможность заботиться о народе.

Врут все, но мне верят безоговорочно, потому что я делаю это настолько искусно, что и сама порой начинаю верить в то, что несу. Я виртуоз обмана и очень хорошо разбираюсь в людях, умею находить подход к каждому, буквально с первого взгляда определяя сильные стороны и болевые точки. Я вижу личность насквозь, вижу её с содранной кожей и оголёнными нервными окончаниями. Умение распознавать типы людей и действовать в соответствии с ними для меня жизненно важно. Также я прекрасно владею своими эмоциями, мимикой, жестами и тембром голоса – могу под столом воткнуть себе вилку в бедро и продолжить жизнерадостно болтать – это никак не помешает мне и даже темпа не снизит. Я всегда могу произвести нужное мне впечатление. Все видят меня такой, какой я хочу, чтобы меня видели. Моя сцена – сама жизнь, весь мир, и актриса я превосходная – это подтверждают мои гонорары.

Часто бывает так, что я повторно ворую уже украденное когда-то. Наверное, так я одним преступлением отменяю действие другого – минус на минус. Особенно законопослушные граждане наверняка скажут, что наоборот – я возвожу преступление в степень, но тем самым лишь подкинут

угля в топку моего самодовольства. Можете ругать мои плохие манеры, я не обижусь – они действительно оставляют желать лучшего. Иногда, сидя на веранде роскошного отеля с бокалом шампанского за пятьсот долларов, я и сама ужасно переживаю, что дурно воспитана.

Когда-то Антон, глядя в мои ещё наивные глаза, сказал, что нет абсолютно честных людей, а есть лишь те, у которых нет возможности украсть. В тот момент я почувствовала, что мне кинули вызов. Учитывая то обстоятельство, что меня всю жизнь остервенело пичкали красными таблетками, постепенно раскрывая мои глаза на реальный мир и даже не предлагая синих в качестве альтернативы, очередную красную таблетку, скормленную мне Антоном, я глотала уже с чувством обречённой необходимости. Когда-то я была чиста и невинна, как сама Беатриче, но времена меняются, неизменным остаётся лишь одно – выживает сильнейший (или умнейший), а в нашем беспокойном мире эволюционировать приходится со скоростью мутации вирусов.

Было время, когда я работала на обычной работе, точнее, пыталась работать. Это длилось недолго, и я не люблю об этом вспоминать. Иногда меня увольняли. За непослушание – да, в этом мне нет равных, но чаще я уходила сама. В обоих случаях причины были одинаковыми. Мужская часть коллектива мне проходу не давала, а женская начинала меня за это ненавидеть. Для прекрасной половины коллег я всегда

была как бельмо на глазу, и они выживали меня как могли. Напрасно я пыталась быть милой, напрасно старалась подружиться – всё неминуемо заканчивалось тем, что напряжённая обстановка вынуждала меня менять место. Коллектив – это ещё полбеды, основная вина, конечно, лежала на начальниках. Они подкатывали и так и эдак, отвлекая меня от моих прямых обязанностей, а не смирившись с отказом, делали мою жизнь невыносимой. В то время я жила в мире, где каждый день превращался в борьбу и становился подтверждением знаменитому высказыванию Шамфора, согласно которому человеку следует каждое утро проглатывать по живой жабе, чтобы быть уверенным, что на протяжении предстоящего дня ему не придётся столкнуться с чем бы то ни было более омерзительным.

Устав от офисных нравов, я кардинально сменила сферу деятельности, пристроив себя в игорный бизнес. Постоянные нервы и стресс из-за колоссальной ответственности мало сочетаются с амурными глупостями, и здесь ко мне никто не приставал. Я вполне успешно строила карьеру, пока в один прекрасный день власть имеющим не пришло в голову запретить игорный бизнес, после чего я случайно, но довольно органично вписалась в шайку бандитов.

Сначала мне рассказывали, чем плох тот или иной человек и за какие именно свои злодеяния он должен ответить. Сейчас я осознаю, что это напоминало подсаживание на иглу. «Только попробуй, с одного раза ничего ведь не будет,

никакой зависимости. Да и со второго тоже вряд ли». Но обязательно наступает момент, когда уже не можешь жить без этих наркотиков. Азарт. Страсть. Сладкое возбуждение от процесса психологической борьбы на пути к победе. Чувство глубокого самоудовлетворения в случае выигрыша, гордость за результат и чувство превосходства над жертвой. И вот уже тихонько скребёшься в дверь к дилеру, потупив взгляд, спрашиваешь: «А не найдётся ли для меня ещё?»

Не один Антон приложил руку к окончательному формированию моей личности и не он сделал меня такой, какой я являюсь сейчас. Нельзя винить его за это. Наверное, он даже спас меня, подарил новую жизнь, явившись неожиданно в тот момент, когда мир вокруг меня снова рухнул, придавил к земле обломками, окончательно уничтожив то, что я ещё пыталась в себе сохранить вопреки всему. Веру в человеческую добродетель.

Да, вы всё правильно поняли – сейчас перед вами очередная прозревшая. Очередная жертва и великомученица, которая, как и все, считает, что страдания, выпавшие на её долю, величайшие из возможных. Не хочу утомлять перечнем предательств, обманов, не хочу подсчитывать количество воткнутых в спину ножей. Не все фениксы любят трепаться о своём прошлом. Все мы знаем эти истории, и всем они уже надоели до зубовного скрежета, поэтому давайте просто представим, что мы опоздали к третьему звонку, строгие администраторы не допустили нас в зрительный зал, и мы не

увидели первый акт этой душераздирающей пьесы, где главная героиня, пройдя через невыносимые терзания, окончательно теряет веру в человечество, заломив руки, падает на сцену и умоляет Господа остановить ей сердце.

Но вот антракт закончен, и мы можем посмотреть, что же будет происходить с ней во втором акте. А для этого приглашаю перенестись... ну, например, в

Глава 4

20 сентября 2013г

– Здравствуйте. У меня на одиннадцать назначено собеседование с Захаром Андреевичем.

Худенькая секретарша посмотрела на меня несколько затравленно, с немного глуповатым видом. Так застенчивый человек смотрит в объектив фотоаппарата.

– Присаживайтесь. Вас пригласят, – пробормотала она, сверившись с какими-то своими записями.

Не было понятно, раздражена она или напряжена, но роль холодной, самоуверенной секретарши плохо давалась ей. Возможно, её смутила я – безупречная, как всегда. Красивые и уверенные в себе женщины пробуждают в таких, как она, нехорошее чувство, ещё не ненависть, но уже что-то большее, чем просто зависть.

Я присела на кожаный диван в залитой светом, идеально чистой приёмной. Взглянула на часы, висящие на стене напротив, – я пришла за две минуты до назначенного времени. Пунктуальность в моём деле – основа основ, но мне предложили подождать, ведь, как известно, Большие Боссы всегда очень заняты решением проблем мирового масштаба и ни один из них ещё никогда не провёл собеседование вовремя.

Шли минуты. От скуки я придирчиво разглядела мани-

кюр, удовлетворённо оставила попытки найти в нём несовершенства, отказалась от предложенного кофе, посмотрела в окно. Питерское бабье лето манило золотыми лучами солнца и нежным умиранием желтеющей листвы. Откуда-то из глубины здания раздавался далёкий гул пылесоса. Я проли-стала своё безукоризненное резюме, в этот раз составленное с особенно тщательной подготовкой и вниманием к деталям. Немного поиграла с секретаршей в гляделки. Выиграла. Наконец селектор сжалился надо мной и ожил, сообщив, что босс освобожден. Втянув живот и вызывающе расправив сутулые плечи, секретарша с явным облегчением проводила меня до лифта. Она и не подозревает, что, как и все остальные в этом офисном здании, очень скоро будет меня просто обожать. Створки лифта разъехались в стороны, я медлила.

– Ваши духи... – сказала я, полуобернувшись, с тем таинственным видом, который лучше всего подошёл бы даме за мемуарами.

– Мои духи? – смутилась секретарша.

Скользнув взглядом по её бейджу, я подняла на неё полные светлой печали глаза.

– Они напомнили мне один вечер в Париже... Ладно, простите, не берите в голову.

Заходя в лифт, я улыбнулась ей и хитро подмигнула:

– Это очень опасные духи, Алла. Приберегите их для особого случая.

Разрумянившись, секретарша нажала нужную кнопку, и

створки закрыли её смущённое, но довольное лицо. Тактику и стратегию мне подсказала обложка книги на её столе, с этого момента я буду постепенно превращаться в её кумира.

Одну стенку в кабине закрывало зеркало, и я в который раз с интересом изучила смотревшую из него кареглазую блондинку лет двадцати пяти в костюме цвета слоновой кости и аккуратно уложенными волосами. Деловой макияж, неброские аксессуары, бежевые туфли-лодочки. Три маленькие родинки на левой щеке образовывали идеальный треугольник. Мозгом я понимала, что это я, но глаза говорили мне обратное. Как бы там ни было, мне определённо нравилась компания этой приятной девушки в зеркале. Люблю красивых людей.

Подняться нужно было всего на три этажа, лифт остановился, створки разъехались как раз напротив входа в кабинет Большого Босса. Табличка на двери гласила: «Солодов Захар Андреевич. Генеральный директор». Властелином этого шикарного особняка оказался мужчина средних лет, с едва заметным тиком лица и седеющими висками. Фотография, переданная мне нашим информатором, в точности отражала его внешность. Он сидел за массивным письменным столом, на краю которого опасно зависла стопка документов, и сосредоточенно перелистывал бумаги.

– Присаживайтесь, – он сделал неопределённый жест в мою сторону, давая понять, что у него нет времени на неуместные расшаркивания.

Итак, он точно не визуал, иначе смотрел бы сейчас на меня во все глаза. Скорее всего, аудиал, но, возможно, и кинестетик. Я подошла ближе и села напротив в кресло для посетителей. Отсюда мне стали хорошо видны умные серые глаза за блестящими стёклами очков, кустистые смоляные брови и плотно сжатые губы, движения его были быстры и уверенны, документы он просматривал мельком, ставя размашистую подпись в конце каждой страницы. На вид лет 45, всё ещё довольно подтянут, но наметившееся брюшко выдавало любителя плотских удовольствий. На правой руке обручальное кольцо, на столе и на подоконнике за ним целая выставка семейных фотографий в рамках – он, ещё молодой, с рыжеволосой женщиной, ребёнок-мальчик, вся счастливая семья во время каких-то путешествий, домашние праздники, торты со свечками, шарики. Некоторые фотографии были довольно старыми, но рамки, оберегавшие память, выглядели новыми и были со вкусом подобраны под интерьер кабинета.

– Слушаю вас, – Захар Андреевич просканировал меня быстрым колючим взглядом поверх очков и вернулся к бумагам.

Солодов выдал себя с головой. Я была почти уверена, что передо мной сидит яркий представитель армии аудиалов. Он и не подумал о том, чтобы пожать мне руку, а для кинестетиков это немислимо – они не упустят возможности дотронуться до собеседника, чтобы лучше его понять. Аудиалы же познают мир через слух, в разговоре часто оперируют слова-

ми, выражающими звуковое восприятие. Чтобы он признал меня «за своего», я должна сделать вид, что из его племени, должна разговаривать с ним на его языке и использовать те же слова. И должна очень хорошо следить за тембром своего голоса.

– Я, пожалуй, подожду, пока вы закончите, – сказала я мягко, но решительно. – Честно говоря, монологам я предпочитаю диалоги.

Он снова посмотрел на меня, теперь уже более внимательно, кивнул и зашелестел документами. Ещё несколько минут мы просидели в тишине. Вытянув шею, я тайком изучила подпись Солодова. Подпись длинная с нажимом, строгие буквы без наклона с прямым горизонтальным росчерком в конце и огромными угловатыми инициалами в начале. Уважает честность и прямоту, лезть презирует. Рассудительный, обстоятельный, резкий и раздражительный, упрямый, довольно скрытный, уверенный в себе и требовательный к окружающим человек. Всем начальникам начальник. Охо-хо...

Я осмотрела кабинет. У стены огромный диван с таким количеством подушек на нём, что ими можно было бы нафаршировать чучело слона. Сервировочный столик с чайным сервизом в мелкий цветочек. Захар Андреевич, привыкший к семейному уюту, стремился и в своём кабинете воссоздать домашнюю обстановку. Опытный наблюдатель Елизавета никогда не упустит ни одной важной детали. На

то они и детали, чтобы быть важными, незначительных среди них нет.

Строгий руководитель, примерный семьянин – это было пропечатано у него на лбу суровым традиционным Times New Roman. Не о таком ли начальнике я мечтала в прежней своей жизни, когда мне доставались одни ублюдки, в мозгах у которых, кажется, была одна лишь извилина – уложить меня на свой письменный стол? Но это тогда, сегодняшняя я заставляю всех играть по моим правилам. Как бы мне вынудить этого бровастого зануду сплясать под мою дудку? Мне ведь нужно доказать Антону, что меня бесполезно в чем-то ограничивать. Он специально подобрал настолько трудный объект, объясняя это тем, что мне нужно развивать свои навыки, а не решать задачи одним лишь соблазнением. Пусть объясняет чем хочет, меня не провести. Да, эта партия отнимет у меня больше времени, чем обычно, но ради победы в ней я готова пожертвовать своими принципами.

Я не отношу себя к любителям долгих игр, которые делают ход и погружаются в раздумья, размышляют уже над следующим. А противник тоже не спешит, ходит кругами, приглядывается, обнюхивает, продумывает ответный ход. Ритуалы, танцы с саблями могут растянуться на годы. Мне на ритуалы плевать, я предпочитаю быстрые партии. Раз, два! Ты или в дамках, или в заднице. Игра окончена, следующий! Не люблю ни к кому привязываться, даже к противникам. Дело такое – привяжешься к нему, рискуешь заужавать, проник-

нешься интересом к самой игре, и тут уже не победа главное, а изящность стратегии. Начинается это самолюбование, соблюдение канонов. А результат? Профит? Да ну его к чертям собачьим! Ведь красиво же! У меня свои понятия о красоте. Для меня красиво – это быстро. Вихрь, ураган. Некогда раздумывать, да и зачем? Можно ведь действовать! Благо игральные доски хватает. Но в этот раз...

– С тех пор как Марина ушла в декрет, я совсем зашиваюсь, – недовольно крикнул Захар Андреевич, отвлекая меня от моих мыслей.

– Ваша прежняя помощница? – предположила я.

– Ну да. Ей нелегко найти замену.

– Говорят, такими вещами стоит заниматься заранее.

Он метнул в меня взгляд, способный пронзить насквозь и выйти между лопаток ещё сантиметров на десять, но я, привычная ко всему, выдержала его с кроткой доброжелательной улыбкой.

– Ваша правда, – он наконец отодвинул бумаги, снял очки и потёр глаза. – Марина не собиралась оставлять работу, но беременность протекала сложно, а когда стало известно, что у неё двойня, сказала, что будет сидеть с детьми сама. После неё у меня уже были две помощницы. И что?

– Что? – я участливо вскинула брови.

– Обе оказались безмозглыми курицами!

Солодов досадливо скривился, а я рассудительно заметила:

– Нелегко найти действительно компетентного сотрудника, – и поспешила протянуть ему резюме: – Добровольская Валерия Михайловна.

– Захар Андреевич, – буркнул он, перехватывая папку.

Какое-то время он молча листал резюме, я наблюдала, как постепенно проясняется его угрюмое лицо, Захар Андреевич одобрительно качал головой и бубнил себе что-то под нос. Наконец, он захлопнул папку и взял со стола пачку сигарет, встряхнул, выудил губами одну и потянулся за пепельницей.

– Проклятая работа. С ней никогда не бросишь курить. А мне курить нельзя – у меня астма.

– Понимаю, в детстве я тоже от неё страдала.

И это правда. Иногда я всё же говорю правду.

Итак, приступим. Я закинула ногу на ногу, демонстрируя коленки и надеясь, что это никак не помешает его астме. Захар Андреевич неодобрительно шевельнул бровями, давая понять, что коленям моим не место на серьёзных переговорах. Для меня это не было неожиданностью, я просто проверяла, насколько всё запущенно.

– Ваше резюме впечатляет, – продолжил он, после того, как я снова села ровно, – и рекомендации превосходные. Что же заставило вас сменить место?

– Иван Анатольевич умер. Сердечный приступ, – тихо сказала я и повернула голову, в профиль я особенно неотразима. – Компанию купила конкурирующая организация. Ко-

гда-то они попили много нашей крови...

Я умолкла, создав видимость задумчивого оцепенения.

– Понимаю, – вздохнул Захар Андреевич, а я заглянула ему в глаза и мстительно прошипела:

– Не хочу и слышать о том, чтобы работать на них.

Солодов кивнул и продолжил:

– Помимо всех прочих ваших прочих достижений, особенно мне нравится ваша способность к языкам. Здесь сказано, вы говорите на русском, английском, французском и немного итальянском. Это так?

– Oui monsieur. You can be sure – il mio italiano è molto bello, – я улыбнулась уголком губ.

– Звучит неплохо, – он раздавил сигарету в пепельнице, протянул резюме обратно мне. – Вам перезвонят, чтобы сообщить о результатах собеседования.

Вот ещё. Я не собираюсь сидеть и ждать, пока этот упёртый баран рассматривает и другие кандидатуры на моё место. Я проигнорировала протянутую папку, подумала пару секунд, складывая мысли в слова, а из слов конструируя фразы, откинулась немного назад и развернула ладони в его сторону.

– Мы сидим в вашем кабинете, вы пролистали моё резюме и попытались выяснить, насколько я соответствую вашим требованиям. Не успеет пройти и месяца, как вы убедитесь в том, что я настоящий профессионал. Но сейчас вы сомневаетесь, и я понимаю почему – прежние помощницы подве-

ли вас, и теперь вы очень осторожны. Но новая помощница нужна всё равно, следовательно, остаётся только одно – дать возможность лучшей из претенденток доказать свою компетентность, и исходя из моего резюме, становится очевидным тот факт, что лучшая – я, а не те курицы, которые сидели на этом месте до меня или придут после. Наверное, это очень увлекательно – проводить всё новые и новые собеседования каждый день, но горы бумаг по-прежнему растут, а вы по-прежнему очень много курите. Мне приступить с завтрашнего дня или в понедельник?

Захар Андреевич рассеянно хлопал глазами.

Весь мой монолог – чистой воды манипуляция сознанием, и она идеальна настолько, насколько вообще может быть идеальной спонтанная манипуляция. Здесь есть всё – и правило трёх «да», призывающее к срабатыванию механизма инертности, и очевидное предположение, призванное уничтожить объективный контроль его сознания, и фразы-связки, делающие логичным нелогичное, и совершенно гипнотическом слово «очевидно», призывающее согласиться с очевидным фактом, а не пытаться опровергнуть его, и, наконец, выбор без выбора:

– Завтра или в понедельник? – повторила я свой вопрос.

– А вы дерзкая, – Захар Андреевич бросил взгляд на резюме, – Валерия Михайловна.

– И это совершенно очевидное преимущество на переговорах с подрядчиками. Вас моя дерзость не коснётся, обе-

щаю употреблять её только на благо компании, я всегда очень чётко соблюдаю субординацию.

В его лице по очереди сменились отрицание, гнев, торг, депрессия и наконец появилось принятие. Видимо мои размышления о субординации подействовали на него лучше, чем мои коленки. Убедившись в том, что я превосходно знаю компьютер, делопроизводство да ещё и разбираюсь в бухгалтерских и юридических тонкостях и в случае чего могу подстраховать коллег, Захар Андреевич решил, что я настоящая находка для его фирмы. К тому же, что не могло не обрадовать моего нового босса, для своего уровня я требовала довольно скромную зарплату.

27 сентября 2013г

В течение какой-нибудь недели я полностью освоилась и вникла в работу фирмы. Мы занимались строительством и продажей недвижимости, для меня здесь не было ничего нового, так как мне уже приходилось исполнять обязанности личного помощника воротилы строительного бизнеса.

12 октября 2013г

– Захар Андреевич, даже не вздумайте приезжать, температура тридцать девять – это не шутки! Да не беспокойтесь вы так, я обо всем позабочусь! Да-да, и договора отвезу сама. Только вот мне, наверное, нужно будет сначала заехать к вам домой, чтобы вы проставили подписи. Вы как, не против?

В ухо мне полились благодарности, перемежающиеся наставлениями. Отодвинув трубку подальше, я разглядывала наши расписания и обдумывала, как бы объединить два графика в один так, чтобы везде успеть. Что-нибудь придумаю, – я же умная.

– Конечно, вы выпишете мне премию, и не думайте отвертеться, – улыбаясь, я снова вернулась к разговору. – Ладно, Захар Андреевич, поправляйтесь. Я надеюсь, за вами там хорошо ухаживают, – голос мой стал низким и тёплым, как расплавленный шоколад: – Мы все будем очень скучать.

Я повесила трубку. Впереди был насыщенный встречами и разъездами день, и скорее всего, не один.

20 октября 2013г

Мы сидели в одном из лучших ресторанов Петербурга. Свисающая с потолка хрустальная люстра преломляла мягкий свет в тысячи разноцветных лучей, столы были накрыты дорогими скатертями, сервированы фарфором и серебром, изящные бокалы на длинных ножках отражали алмазный блеск, каждый стол украшала изысканная композиция из белых цветов. В руке я держала бокал, наполненный прохладным белым вином, и горящими глазами смотрела на собеседника. Захар Андреевич прокашлялся и поднял свой бокал:

– Итак, тост! Валерия Михайловна, – он улыбнулся и пристально посмотрел мне в глаза. – Лерочка, сегодня мы отме-

чаем ваш первый месяц успешной работы в нашем коллективе. Я рад, что в моей команде наконец-то появился настолько компетентный и, – он накрыл своей ладонью мою руку, – и прелестный сотрудник.

– Рада слышать, что пришлось вам по душе, и рада, что мы так замечательно ладим, – скромно улыбнулась я, поднимая ему навстречу свой бокал. В глазах Захара Андреевича разливалось выражение нежности, и я всё больше убеждалась в том, что рыбка заглотила крючок.

Он касался моей руки каждый раз, когда тянулся наливать вино. Я была довольна, очень довольна – всё шло как нельзя лучше. Просто удивительно, как меняются люди, если найти к ним подход, если найти лазейку в стене, которой они себя обнесли. Но нужно продолжать.

Подобрав момент, я случайно задела свой полупустой бокал, и вино вылилось мне на колени. Неважно, что там говорят про двух зайцев, – квантовая механика доказывает, что один снаряд может попасть в две цели, и я ей верю. Один незамысловатый жест оказал двойное воздействие. Во-первых, Захар Андреевич наконец-то забыл о своём предубеждении относительно моих коленок, самыми нежными и аккуратными движениями промокнул вино салфеткой, а потом его ладонь так и осталась лежать на месте происшествия. Во-вторых, я допустила милую ошибку.

Мне легко подбирать ключи к тем или иным личностям. Для этого не требуется ни много времени, ни много фанта-

зии, ведь все практически одинаковые. Прирученные, запуганные и порабощённые. Никто не может похвалиться тем, что с раннего детства его учили, как познать самого себя, как выявить свои собственные потребности и желания. Каждый изначально обречён на то, чтобы стать таким же, как все, и это удобно. Для меня и для Тех Кого Нельзя Называть. Людей дрессируют как животных, прививают им необходимые навыки, обтёсывают каждую конкретную личность, стирают то, что мешает, и программируют то, что считают нужным. Я люблю цитировать Эйнштейна, поэтому скажу об этом так: «Здравый смысл – это сумма предубеждений, приобретённых до восемнадцатилетнего возраста».

Люди умнее животных, поэтому поддаются дрессировке ещё лучше. Дрессируя собаку, её поощряют за успех и наказывают за непослушание. Родители обучают своих любимых детей таким же образом, через систему наказаний и поощрений. Когда «хороший мальчик» следует правилам, его хвалят и поощряют, когда не следует, он становится «плохим мальчиком», и его наказывают. И так по несколько раз в день. Очень скоро он понимает, что быть «хорошим мальчиком» выгоднее, потому что такое поведение сопровождается наградой. Ему нравится получать награду, и ради неё он делает то, чего требуют от него другие. Всё больше отдаляется от себя самого, лишь бы угодить окружающим, желая получить награду и не получить наказания. Он чувствует, что что-то здесь не так, и, возможно, взбунтовался бы, но знает,

что его быстро поставят на место, ведь взрослые такие большие и сильные, а он такой маленький и слабый. Когда «хороший мальчик» достигает определённого возраста, чувствует в себе определённые силы сказать «нет», чтобы защитить то небольшое, что ещё осталось от него самого, он превращается в бунтующего неизвестно против чего подростка. Этот период довольно быстро завершается, ведь он уже приручён системой, все приоритеты расставлены, всё, что нужно, уже навязано и прижилось в сознании. Более того, вскоре он станет сам себе дрессировщиком, продолжая упаковывать себя в надлежащие рамки, теперь он самодрессирующееся животное. Ему больше не нужны родители, учителя и проповедники, теперь за неудачи он будет наказывать себя сам. Начинается самое интересное. Внутренне он не согласен с условиями, в которых ему приходится жить, но внешне он всячески подстраивает себя под них, и остаётся только гадать, сможет ли он окончательно заткнуть себя самого, станет ли послушным винтиком, сопьётся ли или превратится в очередного Антона, например. Вот как раз винтики-то я и щёлкаю, как орешки, для этого они и создавались. Для этого создавалась и я, поэтому знаю их изнутри.

Я бы не нашла в себе силы выйти из системы, если бы меня не вышибло из неё самопроизвольно. Но это случилось, и теперь я не знаю, что мне делать дальше. Мною никто не управляет, и в этом есть свои недостатки. Проблема выбора. У многих такой проблемы нет, потому что они не создают её

себе, пользуются тем, что есть. Никто изначально не выбирает, на каком языке ему говорить и в какого бога верить, не выбирает моральные ценности и жизненные ориентиры, даже имени своего никто не выбирает. Почувствовав свободу, я начала пользоваться ею. Решила вопрос с языками – говорю теперь на четырёх, практически решила вопрос с религией – рассчитала для себя идеально логичного бога, и с именем – у меня их много. Но вот вопрос с жизненными ориентирами для меня открыт. Есть ли они вообще? И должна ли быть какая-то цель? Да, я намеренно вышла из потока, потому что мне не нравилось направление течения и я не хотела принимать в нём участия. Но долго ли я буду сидеть на берегу, разглядывая бесконечное небо над головой? Долго ли буду решать, за какой звездой мне идти? Я хочу чего-то, очень хочу, что-то приказывает мне подняться и отправиться в путь, но куда?

10 ноября 2013г

Пора переходить к решительным действиям, старый баран только и может, что ходить вокруг да около.

Постучавшись, я вошла в кабинет. Захар Андреевич оторвал взгляд от монитора, и его лицо просияло.

– Лерочка!

– Я принесла документы на подпись.

Я подошла, присела на краешек стола рядом с ним, положила бумаги и, потянувшись через стол так, чтобы оказаться

грудью на уровне его глаз, подала ручку. Десять тысяч лет практики стояло за этими жестами, и срабатывали они бесперебойно. Захар Андреевич положил руки мне на колени.

– Не перестаю восхищаться вашим очарованием.

Я взяла его ладони в свои и начала гипнотизировать его своим патентованным долгим взглядом из-под ресниц.

– Захар Андреевич, у нас ведь с вами командировка на следующей неделе.

– Да, я помню, в Хельсинки, – он нежно перебирал мои пальцы.

– И вот я подумала: может бронировать два отдельных номера для нас с вами – это неоправданное расточительство? – я улыбнулась мило и немного стеснительно. – Может, мы могли бы поберечь деньги компании и разместиться в одном?

14 ноября 2013г

Всё было не так уж плохо. То есть всё плохо, но не так уж. В общем как обычно.

Убедившись в том, что он спит, я аккуратно убрала ладонь с его груди и перевернулась на другой бок. Зевнула, разглядывая в полумраке гостиничного номера пустую бутылку шампанского и остатки ужина на столике. Форель была превосходна. Закрыла глаза.

3 декабря 2013г

Я сидела у себя в кабинете, находившемся по соседству с кабинетом моего начальника, и сосредоточенно составляла для него расписание. Оно получалось очень плотным. Давала о себе знать и предновогодняя суета, и старые дела, которые я намеренно откладывала когда-то, чтобы сейчас заткнуть ими все дыры в его графике. Промучившись пару часов, я удовлетворенно разглядывала результат своих трудов – у престарелого ловеласа и минутки на меня не найдётся в ближайшую неделю.

11 декабря 2013г

Захар Андреевич с ужасом взирал на накопившуюся за его отсутствие внушительную стопку бумаг, которую я пару секунд назад положила на стол перед его носом. Я сидела в кресле напротив и похотливо сжимала его ладонь.

– Нет, нет! – запротестовал он, вскочил с места и подошёл ко мне. Поднял на руки, уткнулся носом в шею, шумно вдохнул аромат моих волос. – Я слишком соскучился!

Поставил меня на пол, развернул спиной к себе. Руки его, искавшие застёжку на платье, дрожали от нетерпения, но я решительно отодвинулась.

– Сначала документы! – сказала твёрдо, но тут же мягче добавила: – Пожалуйста! Меня дёргают со всех сторон, требуя твои подписи. Мне кое-как удалось договориться с начальником литейного цеха, он ни в какую не хотел начинать, не имея договора на руках.

Он тяжело дышал, раздувая ноздри.

– Объекты простаивают! – взмолилась я.

– Чтоб они все провалились!

Мой босс разъярённо взлохматил себе волосы и рухнул в кресло, подвинул бумаги. Схватил первый лист, начал читать, но тут же, плюнув, взял ручку и поставил подпись, не глядя. Та же участь постигла и оставшиеся документы, после чего мы переместились на диван.

прогресс есть, но этого мало

Через двадцать минут я вернулась к себе в кабинет и взялась за составление нового расписания для своего начальника.

20 декабря 2013г

Захар Андреевич торжественно объявил, что теперь у меня есть право подписи.

– Больше не лезь ко мне со своими дурацкими бумагами, – хрипел он мне в ухо, увлекая за собой к дивану.

Вот теперь я была довольна.

Мне часто снится один и тот же сон. Нет, он разный!.. но всё же один и тот же.

В нём я всегда ищу что-то, брожу по каким-то коридорам в самых разных зданиях, и не только в зданиях. Иногда декорации повторяются, и это оказывается тот же отель, что и в предыдущих снах, иногда это заброшенный дом или быв-

шая школа, здание какой-то фабрики, переулки в деревне, широкие проспекты и мосты мегаполиса. Иногда это подземка с непонятной схемой и кучей разноуровневых переходов, среди которых я блуждаю, выискивая что-то и одновременно убегая от кого-то. Иногда это лабиринты со стенами из какого-то мусора, вроде покорёженных листов железа и колёс от старых автомобилей. И иногда я нахожу то, что ищу. Какую-то дверь, может быть, какой-то ход или лаз, – всегда по-разному – и пересекаю черту, после чего большинство воспоминаний о сне стираются, остаётся только ощущение. Что-то непознанное, содержащееся за семью печатями и строго охраняющееся, что-то несомненно волшебное или опасное. Какая-то тайна.

Я вспомнила об этом сне, прогуливаясь по Петербургу. Станным образом его проспекты, улочки и переулки вплетаясь в мои мысли, напоминали мне этот сон, и на какой-то момент я забеспокоилась, а не сплю ли я в самом деле. Постояла, озираясь по сторонам, – вроде бы реальность, а вроде и нет. «Ну и ладно, – подумала я и побрела дальше, – объективной реальности ведь вообще не существует». Видимая реальность, как и замечательно её иллюстрирующий Петербург, со своей вычурностью помпезных фасадов и ободранной изнанкой подворотен, всегда раскрывается по-разному. То, какой она предстанет, зависит от угла обзора, от точки зрения смотрящего, и только.

Каким видит Петербург заезжая певица? Миллионы ог-

ней, приветствующих её на гастролях. Сказочный город с шикарными отелями, красивыми проспектами и разводными мостами. Каким видит его питерский бомж? Каменный склеп, заключивший его на самом дне человеческого существования, грязные помойки и полуночные крысы.

Кого видит в Антоне его мать? Своего бесконечно любимого единственного сына. Глядя на его лицо, она видит не только то, что оно ей показывает прямо сейчас, не только этого солидного мужчину с бычьей шеей. Она видит его орущим новорождённым, сосущим её грудь, его первые зубы. Видит его вымазанным зелёнкой от ветрянки, видит причёсанного первоклассника с букетом гладиолусов, прыщавого подростка, долговязого выпускника. Её надежда и опора, любовь всей жизни и единственный её смысл. Кого увидит в Антоне зарвавшийся должник, которого он вытаскивает за шкуру из своего багажника, чтобы швырнуть мордой в грязь на безлюдной ферме? Преследователь и мучитель, воплотившийся ночной кошмар, смерть в человеческом облике.

Кого видит во мне мой новый босс? Милый ангел-помощник, красивая женщина, с большими честными умными глазами, прекрасная нимфа, бросающая на него быстрые нежные взгляды. Кого видит во мне Антон? Своего отлично натасканного троянского коня, коварную обольстительницу, циничную мерзавку, полагающую, что она умнее всех. Своё оружие, своего партнёра, друга и свою постоянно ускольза-

ющую мечту. Кого вижу в себе я? Я уже давно отчаялась ответить себе на этот вопрос. Могу показать всё что угодно, но ничто из этого не будет мной. Я не знаю, кто я. И точка.

А объективной реальности, одной на всех, просто не существует. Она у каждого своя.

28 декабря 2013г

Мы всем нашим дружным коллективом собрались в небольшом уютном ночном клубе, арендованном для нашего новогоднего корпоратива.

На мне было потрясающее платье и дорогое кольцо – новогодние подарки моего любимого начальника – и, как и на всех присутствующих, красивая ажурная маска: я задумала праздник в виде карнавала, и на это были свои причины. Я и Захар Андреевич сидели рядом за столом для руководящего состава нашей компании, за которым разместились также главный бухгалтер Ирина Анатольевна, блёклая и сварливая, как и все главные бухгалтеры, и жизнерадостный захмелевший юрист Максим. Рука Захара Андреевича под столом лежала на моей коленке. Наши отношения уже давно перестали быть секретом для коллег, но на людях мы всё же вели себя официально. В принципе, мне нравился это праздник, который я сама же и устроила по заданию своего босса. Зажигательный ведущий, профессиональные артисты на сцене, интересная программа. Я смеялась и хлопала в ладоши вместе со всеми, Захар Андреевич не сводил с меня глаз.

Наконец, ведущий объявил, что наступила торжественная часть, и это означало, что сотрудники должны выйти на сцену и со словами благодарности обратиться к своему шефу, рассказывая, как замечательно им живётся под его чутким руководством, каких успехов и процветания желают они своей компании.

– Подождите! – вдруг выкрикнул юрист Максим. – У меня есть подарок для всех присутствующих!

Он улыбался, обнажая огромные, как штукатурные шпатели, зубы. Ведущий передал ему микрофон.

– Наша замечательная Лерочка организовала шикарный праздник, но, закрутившись в делах, совсем забыла про фотографа.

Я чуть не поперхнулась шампанским. Как же забыла, ага, я приложила все усилия к тому, чтобы фотографа на корпоративе не было. Но этот позёр, мать его, никогда не упустит возможности высунуться!

– Не все знают, но я увлекаюсь фотографией, – продолжал Максим с жеманством профессионального конференсье, – и сегодня я захватил с собой камеру, чтобы у всех присутствующих осталась память об этом замечательном вечере.

Он подмигнул мне, полез в свою сумку и извлёк на свет здоровенный фотоаппарат. Я похолодела, но продолжала улыбаться.

Сотрудники по очереди выходили на сцену, снимали маски и восхваляли Захара Андреевича, лесь лилась рекой,

Максим делал фото с разных ракурсов.

– Твоя очередь, – хихикая, мой начальник легонько подтолкнул меня локтем.

– Захар Андреевич, – взмолилась я, – я так боюсь публичных выступлений! Даже в школе не могла стишок прочитать перед классом, не хочу позориться. И к тому же, – теперь я шептала ему в самое ухо, – я всегда могу поздравить тебя лично. У меня забронирован люкс, мой тебе подарок, – жарко закончила я, сжимая под столом его коленку.

Это его вполне устроило, он отстал от меня и пошёл ответно поздравлять сотрудников, читать наставления на будущий год.

– А теперь, общая фотография! – Максим приглашал всех на сцену, я же сделала вид, что меня что-то очень заинтересовало в моём телефоне, и проигнорировала его.

– Валерия Михайловна! – выкрикнули со сцены. – Пожалуйста к нам!

– Ой, нет-нет! – замахала я руками. – Не люблю фотографироваться.

– Вы станете украшением этого фото! – снова выкрикнул кто-то.

Ничего не поделаешь, я не могла больше сопротивляться и присоединилась к толпе сотрудников. С меня сняли маску и поставили в первый ряд.

После обязательной торжественной части объявили дискотеку, я же под предлогом подышать сбежала на улицу и

достала телефон.

– Антон, у меня проблемы, – коротко описала ситуацию, дала наводки и вдруг вспомнила: – И забронируйте мне люкс на сегодня. Любой свободный.

30 декабря 2013г

– ...и тогда, – ревела Аллочка, секретарша, – он просто взял и ушёл! А-а-а-а....

Я протянула ей пачку салфеток, по одной доставать уже надоело.

В каждом – это не шутка – в каждом офисе находится такая вот дура, которая думает, что её убогие отношения с её убогим бойфрендом интересуют кого-то помимо неё самой. Часами может живописать в красках, что именно случилось между ними вчера или на прошлой неделе.

И что удивительно, находятся ещё большие дуры, которые слушают. Заняться, что ли, нечем? Мне всегда есть чем заняться, но иногда я позволяю ей вот так сидеть в моем кабинете и лить слезы по своим высоким, несомненно, отношениям. И другим тоже позволяю, мы ведь дружный коллектив.

– Подонок, – вздохнула я.

– Нет, ты не понимаешь, он хороший, просто...

Почему-то у меня уже давно не получается относиться к ним как к реальным людям. Что это? Безвозвратно утраченное чувство эмпатии? Мои зеркальные нейроны атрофировались?

Для меня все окружающие представляют собой нечто вроде мультиков или игрушек, и я именно так к ним и отношусь. Именно так я их и вижу – со всей их мультяшной плоскостью, с игрушечными проблемами и с игрушечными трагедиями. С трагедиями, раздуваемыми из пустого места, из единственного ничего не значащего пикселя, специально для того, чтобы почувствовать себя живыми, дотянуться своими ни на что не годными мультяшными эмоциями до настоящего мира.

С примёрзшей к лицу улыбкой или с миной, призванной выразить участие, я слушаю их и киваю. Смеюсь или возмущаюсь вместе с ними, когда они ждут от меня этого. Терплю их лишь по одной причине – они должны доверять мне. Всецело, безоговорочно. И я становлюсь для них всем этим – подругой для одной, мамочкой для другого, любовницей для третьего и просто душевным собеседником для всех остальных. Слушаю про бойфрендов, про мужей, про детей, свекровей, тещ. Про парикмахеров и начальников. Про всё. Как бы ни тяготило меня их общество, я терплю его, убеждая себя, что это работа, а работа она всегда такая – требующая смирения. И я смиренно вникаю в истории из их ограниченных жизней, посвящаюсь в их проблемы, дурацкие настолько, что я просто диву даюсь, насколько тупа и незамысловата жизнь большинства.

Часто мне кажется, что они всё это не всерьёз, просто дурачатся, кривляются, разыгрывают комедию, но я смотрю в

их лица и понимаю – нет, всё действительно очень серьёзно. Это очень, очень серьёзная болезнь современного общества – принимать сыплющееся на тебя дерьмо и называть это жизнью. Я могла бы сказать им: эй, придурки, хватит жрать помои! Вкус к хорошей еде прививает хорошая еда. А если вы с благодарностью подставляете свои рты под чужие задницы, то нечего и удивляться тому смраду, которым затянуты ваши миры. Не говорила, зная по опыту, что никто меня слушать не будет. Тот, кто действительно хочет что-то изменить, просто идёт и меняет. Как? Молча. Тот, кто жалуется, менять ничего не собирается, просто хочет найти свободную жилетку, схватить за пуговицу, залить соплями, выплеснуть наружу часть переполняющего, изнутри распирающего дерьма. Поделиться тем, чего не жалко и что уже не лезет.

– Конечно, он вернётся, – выдала я наконец то, чего она от меня добивалась, придвинула к себе ежедневник, сделала вид, что занята чрезвычайно, и Аллочка, рассыпавшись в благодарностях, вышла из кабинета. Всё же надолго меня никогда не хватает.

Наверное, мне лучше других удаётся навешивать на себя эту маску заинтересованности, потому что именно ко мне они липнут со своими проблемами особенно усердно. Может, не стоит так уж стараться быть безупречной во всём, может, снизить градус правдоподобности? Я не испытываю к ним жалости, не могу, ведь они не голодающие дети Африки, а взрослые люди. Если они ноют по своим жизням, то

видимо это должно означать только одно – им это нужно. Но в какой-то мере я понимаю их, ведь раньше и я сама жила в этом игрушечном мире, соответствовала его требованиям, подчинялась его законам до тех пор, пока не создала для себя свой собственный мир. Настоящий.

Вчера у всех был похмельный выходной после корпоратива, но сегодня наступил последний перед праздниками рабочий день.

Я, по телефону заговаривая зубы очередному подрядчику, шла по коридору нашего офиса, как вдруг налетела на внезапно вышедшего из кабинета Максима.

– Оу, что это с тобой? – я опустила телефон и уставилась на его лицо. Бровь рассечена, под глазом лиловый синяк.

– Меня ограбили, – пожал он плечами, как будто сам до конца не верил в произошедшее.

– Как? – я профессионально изобразила ужас на своём лице.

– Напали в подъезде после корпоратива, – вздохнул Максим. – Всё забрали, кошелёк, цепочку, часы, даже ботинки сняли. Очнулся босой.

– Вот ведь сволочи! – негодовала я

– И не говори, – он нахмурился. – Больше всего, конечно, жалко камеру.. Фотки с корпоратива, видео. Память всё-таки. Там на флешке ещё с отпуска записи были...

12 января 2013г

Я поджидала Захара Андреевича в его кабинете и бросилась ему на шею, едва он переступил порог.

– Я так скучала! – мои глаза блестели от счастья. Видит бог, я старалась.

– Я тоже скучал, Лерочка! – жарко шептал он: – Моя девочка, моя лапочка, моя-моя-моя, – бубнил, расстёгивая на мне блузку трясущимися пальцами.

Захар Андреевич провёл новогодние каникулы с семьёй в Европе и сейчас вернулся изголодавшийся.

Когда всё закончилось, мы улеглись, обнявшись, на диване, он гладил мои волосы и молчал, задумчиво рассматривал моё бедро.

– Что-то не так, милый? – спросила я проникновенно.

– Знаешь, этот отпуск позволил мне понять одну вещь, – тихо сказал он и снова замолчал. Кустистые брови сдвинулись.

– И что же?

– Я живу неправильно, мы все живём неправильно! Я от тебя без ума, ты ко мне тоже равнодушна, я вижу, как ты на меня смотришь, чувствую, как обнимаешь, с какой нежностью, но каждый вечер мы с тобой прощаемся, и я еду домой, к другой женщине. Мне надоели эти случки на диване, я устал притворяться! Я схожу с ума! – он замолчал, но отчаяние его эхом металось в тишине.

Я ободряюще сжала его руку и поцеловала в плечо. Это

придало ему сил, и он добавил:

– Я принял решение, и единственное, о чём я мечтаю, чтобы ты его поддержала.

Я уже понимала, к чему он клонит, и затаила дыхание в ожидании продолжения, но из проклятого страдальца всё нужно было клещами вытягивать.

– Ты же знаешь, милый, я поддержу любое твоё решение.

– Я развожусь, – выдохнул он и замер, в ожидании моей реакции.

Я села, взяла его лицо в свои руки и заглянула ему в глаза.

– Что ты сказал? – взгляд мой был полон любви и нежности. И надежды.

– Да, развожусь, – повторил он уверенно. – Ты очаровала меня с первого взгляда, но я даже не смел надеяться на взаимность. Но сейчас, когда я вижу, как ты ко мне относишься, – он покачал головой, – я просто не могу поступить иначе. Я должен делать тебя счастливой.

Конечно, я и не сомневаюсь в том, что в первую очередь он заботится обо мне.

Солодов взял мои ладони и начал покрывать их нежными поцелуями.

надо же. Я всё-таки сделала это?

– Ты уверен, милый? – я перехватила инициативу с поцелуями и в свою очередь прижалась губами к его ладоням. – Ты уверен, что не поторопился?

– Конечно, поторопился, – улыбнулся он, – но в моём воз-

расте как раз и нужно торопиться с решениями. У нас осталось не так много времени.

– Не говори так! – ужаснулась я. – У нас впереди ещё очень-очень много времени!

Он расцветал на глазах.

– Это значит, ты согласна?

– Согласна на что? – хитро улыбалась я.

Он легонько шлёпнул меня по голому заду.

– Не прикидывайся!

– И где же кольцо? – я деловито вытянула шею.

– Сначала разведусь, – нахмурился Захар Андреевич, – и будет тебе кольцо.

Он встал, натянул свои смешные семейники и прошёлся по кабинету.

– Кроме того, нужно уладить дела.

– Уладить дела? Какие дела?

– Я продаю компанию

– Как? – опешила я вполне искренне.

– Я устал. Фирма набрала обороты, слишком разрослась, я уже не справляюсь, сыну она неинтересна, у парня свои планы, бренчит целыми днями на гитаре и слышать ни о чём другом не желает. Я продам компанию за очень хорошие деньги, часть отдам жене и сыну, а оставшегося нам с тобой хватит за глаза, уж поверь.

– Верю, – я и не думала сопротивляться. Но мысли суматошно, как безголовые курицы, носились в голове.

Захар Андреевич подошёл ко мне и присел рядом, взял меня за руку.

– Меня достали эти вечные командировки – послезавтра я опять улетаю. Меня достал этот город, шум, суета. И вот о чём я мечтаю – я хочу уехать. Я присмотрел симпатичное местечко на юге Испании, хочу жить там с тобой, хочу завести собаку, и не только собаку, – он пронзительно смотрел мне в глаза, – хочу начать всё сначала. Ты понимаешь?

Я понимала. Он провёл рукой по моей щеке.

– Скажи, что тоже хочешь этого.

– Звучит замечательно!

– Обожаю твои родинки, готов любоваться ими вечно.

Я дотянулась губами до его пальцев, помолчала немного.

– Присмотрел местечко? – улыбнулась я хитро. – Значит, ты не сегодня всё это придумал?

– Нет, не сегодня.

– Но документы на продажу фирмы ты ещё не подготовил?

– Ещё нет. Я бы хотел попросить тебя помочь мне с этим.

Когда загоняешь настолько крупного зверя, нужно быть готовой к любым сюрпризам, но такое! Зверь сам вдруг остановился, развернулся, подошёл к охотнику вплотную и наделся брюхом на выставленное вперёд копьё!

– Конечно. Займусь этим прямо сейчас! – мой счастливый голос был полон энтузиазма.

А некоторые готовые документы уже лежали в моем сей-

фе, кроме того, на нужных бумагах уже стояли его подписи.

Вечером того же дня, уже в своей съёмной квартире я заварила чай и набрала номер Антона.

– Поздравь меня, я выхожу замуж.

На том конце расхохотались. Антон на громкой, и меня слушали все остальные.

– Что?! – процедил он.

Когда он начинает вот так разговаривать – сдержанно, холодно, я тут же понимаю, что он в бешенстве. Ха-ха! И почему же на этот раз? Неужели потому, что Елизавета Премудрая снова обскакала его, Антона великого и ужасного?

Он действует грубо, я действую изящно, он делает упор на силу, я – на хитрость, лучший его союзник – человеческий страх, мой – человеческая глупость. Мы всегда занимаемся разными объектами, но и всегда помогаем друг другу. Мне часто требуются его связи или ассистирование во время операций, ему мои консультации по поводу той или иной личности. Я быстро нахожу слабые стороны, а значит, и методы воздействия. Но ему, бедняге, невыносима мысль о том, что я соблазняю кого-то. Может быть, сплю с кем-то, пока он там мечется по Норе и тоскует в окошко долгими зимними вечерами.

Сам виноват. Если бы он решился прямо заговорить со мной, я бы объяснила в возможно более мягкой форме, что у нас ничего не получится, но он же делает всё исподтишка,

пытается манипулировать мной. Я же этого больше не позволяю. Ни ему, ни кому бы то ни было ещё. Я уже давно не та, что раньше. Я уже выпотрошила из своей личности ту мягкую благодатную почву, в которую манипуляторы сажали свои ядовитые цветы. Не осталось ни чувств, ни переживаний, ни наивности, ни веры. Всё, что мешало и могло уничтожить меня, пришлось удалить, вырезать, как убивающую организм раковую опухоль. Навырезала из себя столько всего, так себя издырявила и искромсала, что стала похожа на снежинку, ошестинившуюся острыми ледяными гранями. Чистыми, твёрдыми, мёртвыми гранями, непригодными для дьявольских семян манипуляторов.

Но Антон, однако, не сдаётся. Я на него не обижаюсь – это он не со зла. Это он по глупости. Он ведь уверен, что мы можем быть вместе, и всячески стремится меня к этому склонить. Смотреть на его метания так же невыносимо, как и на слёзы золотистого ретривера, поэтому я и не смотрю, не фокусируюсь на нём. Не замечаю специально. Так уж вышло, что я несгибаемая, как бревно, а мой скептицизм ещё крепче.

– Опять замуж? За Солодова? – изумился Руслан

– Слушай-ка! – хохотнул Денис. – Да он же чёртов каменный истукан острова Пасхи! Как тебе удалось?

– Да хоть реинкарнация да Винчи! – хмыкнула я. – Это не имеет значения.

– При чём здесь он?

– Самый знаменитый девственник в истории. Вы разве не знаете?

– Хватит умничать! – рыкнул Антон.

– Что ты с ними такого вытворяешь, крошка? – не уни-
мался Руслан.

– Тебе не светит, успокойся.

– Как знать. Может, однажды и я разбогатею, и ты вце-
пишься в меня своими жадными коготками...

– Пасть захлопни, Леонардо недовинченный! – выверил-
ся на него Антон.

– Не ссорьтесь, мальчики, – зевнула я. – Руслан, ты мне не интересен, как пациент, тебя уже ничего не спасёт. А вот Захар Андреевич получил хорошую прививку от бешенства. И, кажется, я снова сделала вклад в светлое будущее нашего общества. «Престарелым астматикам не следует пускаться во все тяжкие, бросать своих жён и халатно относиться к работе» – добавьте эти пункты в мою энциклопедию нравственности.

– Бессовестная растлительница! – попенял Денис. – Даже культурная столица подверглась твоему губительному влиянию!

– Все люди – животные. Разница между москвичами и пи-
терцами только в том, что одни нагло ссут в подъездах, а дру-
гие стыдливо мочатся в парадных.

На том конце раздалось сдавленное похрюкивание.

– Кончайте ржать, у нас возникли нюансы. Нужно уско-

риться. – Я тоже переключилась на громкую, взяла чашку с чаем и изложила суть дела.

– Покупатели уже готовы, – ледяным тоном заверил меня Антон в конце разговора.

24 января 2013г

...Сыр выпал – с ним была плутовка такова. Это была долгая игра, филигранная работа, но оно того стоило – цель многократно оправдала затраченные средства.

Каждый раз следя за их агоническими метаниями, я вспоминаю старую оперу, в которой один выстрелил в другого, а тот, вместо того чтобы упасть и сдохнуть, хватается за сердце и приступает к надрывной арии. Ходит, шатаясь, по сцене, долго и громко поёт. Да упали и сдохни ты уже! Зрителям неинтересно, да и тебя никто не спасёт, никто не поможет! Никакая полиция, никакой ОБЭП, всё куплено, всё проплачено, и в первую очередь из твоих же средств, идиот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.